

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ЧУЖОГО» МИРА В МАНСИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статье рассматриваются некоторые мифологические существа, как представители «чужого» мира в мансийском фольклоре; выявляются специфические черты, лежащие в основе определения «чужести», а также функция границы в структурировании пространства северного этноса.

Материалом исследования послужили тексты мансийских сказок, опубликованные в различных фольклорных сборниках и в периодической печати, а также полевые материалы автора. В работе применён герменевтический метод, отражены принципы историзма и системного подхода.

Анализ фольклорных текстов манси показал, что к приближённому кругу народ относит свою семью, деревню, род, национальность, свой этнос, которых объединяют язык, внешний вид и вероисповедание. То, что не сочеталось с представлениями манси как о правильном, воспринималось как угроза. Соответственно в разряд «чужих» входят «иные», «другие», «потусторонние», «чужеземцы», «враги», включая всех, пришедших из внешнего мира. Всё своё родное воспринимается как нечто положительное и позитивное, а чужое – на подсознательном уровне – как негативное, вызывающее отрицательные эмоции.

Наличие основного типа оппозиции «свой – чужой» в мифологической картине мира манси представлено нами через схемы, отражающие разные способы взаимодействия «своего» и «чужого».

Ключевые слова: манси, мансийский фольклор, оппозиция «свой – чужой», лесные духи, сказки, былички.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-605-614

В основе человеческих отношений всегда присутствует распределение на «своих» и «чужих». Такая дихотомия – одна из базовых, представляющая собой общечеловеческую категорию, которая встречается в языке и культуре всех народов мира, включая манси. Дуализм суждений выявлялся в процессе восприятия окружающего мира, познания окружающей действительности, в момент столкновения с чем-то неизведанным, отличным от родной культуры. Для снятия диссонанса между ним и непознанным явлением человек придумал историю, объясняющую появление данного явления, то есть создал миф, который можно трактовать как форму познания человеком и обществом окружающей действительности и самих себя. По мнению В. В. Лазарева, «процесс противопоставления человека мифологизированному бытию требовал организации определённых отношений с ним» [Лазарев 1983, 59]. Стереотипные формы взаимодействия с «чужим» окружением передавались от старшего поколения к младшему в форме обрядов и представлений, воплощались в народном творчестве, фольклоре, в конкретных языковых формах. Таким образом, оппозиция «свой – чужой» – одна из базовых в человеческом сознании, возникшая на заре человечества и существующая в культуре разных народов много тысячелетий.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на современном этапе при разнообразии культур и субкультур, наблюдается обострение проблемы самоопределения и самоидентичности человека. На телевидении, в средствах массовой информации и в интернете пропагандируют различные способы самоопределения человека. На Западе стало модным воспитывать детей, не делая акцента на гендерные различия, возникают псевдокультуры. Все эти процессы, протекающие в современном мире, размывают границы между «своим» и «чужим», порождая проблему сохранения народных культур и традиций.

Поэтому проблема самоидентификации, распределения границ «своего» и «чужого» – одна из важнейших, чем объясняется необходимость дальнейшего её исследования.

Оппозиция «свой – чужой» – это базовый и дискуссионный концепт в целом ряду гуманитарных наук. Для её исследования мы обратились к философским, филологическим и культурно-историческим разработкам.

Образ «своего» и «чужого» исследуется в отечественной и зарубежной литературе. Чужое пространство как конструкт, значения которого изменчивы и зависят от предполагаемой перспективы, контекста пения и человеческих отношений рассмотрены в статье Аны Вукманович [Vukmanović 2018, 51–72], которая указала, что в южнославянской устной лирике чужое пространство строится как пространство другого или как другое (лиминальное) пространство. Евгения Троева описала контакты человека с демонами, происходящие в предельном пространстве и времени, а также в переходные периоды жизненного цикла [Троева 2009, 397–409]. Статья Золтана Вирага посвящена анализу и пропаганде культуры духа (этических норм), культуры этничности (аспектов инаковости) и межконфессиональной, письменной и устной культуры выражения [Virág 2018, 109–124]. А. Сейдикенова раскрыла понятия «свой и чужой» в казахской, французской и английской культуре, на примере пословиц и поговорок [Seidikenova 2016, 13–18]. Вабишчевич Таццяна выявила оппозицию «свое-чужое» в ранней лирике Янки Купалы [Вабишчэвіч 2010, 106–112]. Категорию «чужой – свой» в болгарской народной культуре рассмотрела Г. Лозанова [Lozanova 1994, 37–42].

Оппозиция «свой – чужой» стала темой диссертационных исследований по филологии Т. В. Алиевой, Е. А. Андриющенко, П. Канчани, А. А. Матвеева, М. Н. Петроченко, М. Х. Рахимбергеновой. Отдельные ее аспекты «свой – чужой» рассмотрены в статьях И. В. Захаренко, Е. В. Мереквиной, Фан Сяолинь, О. С. Якушенковой и др.

Разные стороны мифологического сознания отражены в работах обско-угорских учёных, например: Т. В. Волдиной, В. С. Ивановой, Т. А. Молдановой, С. А. Поповой, Е. И. Ромбандеевой и др.

Вышеизложенные исследования сыграли немаловажную роль в осмыслении оппозиции «свой – чужой». Однако в современной культуре проблема развития оппозиции «свой – чужой» в культуре народа манси не получила должного представления.

В мансийских мифах и сказках эта оппозиция неделима, проста и охватывает все стороны мироздания. Понятие «свой» содержит в себе свой мир, в котором имплицитно связаны *свой род, своя культура, свой язык, мировидение*. Человек – это маленький мир, в котором содержится все многообразие «своего». Данная оппозиция пронизывает все сферы бытия человека.

Подобно тому, как объём понятия «свои» бывает разным в различных случаях (от своих домохадцев до жителей одной деревни, страны), точно так же многомерно и представление о «чужих». «Чужой», в зависимости от культурно-исторического материала, в мансийских сказках может проявляться как «иной» (с ними связаны такие персонажи как *Мёнкв, Ялань, Миснэ, Мисхум*); «другой» (по национальности: ненцы, ханты, русские, татары); «потусторонний» (*исхор* ‘души-тени’, *сáвсыр пил-птахтын ұтыт* ‘различные пугающие существа’; «чужеземец» (к этой части отнесли людей с наиболее отдалённых территорий. Например, такие персонажи сказок как *виклыны* (можно предположить, что это викинги), *Парапарсех* и другие народы, которые манси не знакомы или мало знакомы. Все «чужие» попадают под категорию «враг». В сказках герой, покидая родные и знакомые места, всегда попадает в незнакомое пространство, которое не всегда дружелюбно. Степень «чуждости» пространства возрастает по мере удаления героя от мира «своих». При этом «своё», то есть освоенное, окультуренное пространство, через ряд границ переходит в «чужое», природное пространство, которое граничит или отождествляется героем с потусторонним миром. Поэтому в мансийских мифах и сказках старшее поколение всегда учит молодёжь не покидать границы своего, не нарушать их. Покидая границы «своего», понятного и простого, можно нарушить границы «чужих» неизведанных, вторгнуться на их территорию. В культуре манси много запретов, наставлений, нравочений, которые указывают на правильное поведение – как установка на то, чтобы достойно вести себя в любых ситуациях. Например, *мóтқум қолыт сёвалын, ұлян ұл новхатэн* ‘в чужом доме к очагу, огню не прикасайся’; *мóтқум қолын ёхтэ́ғын, ұл э́ссыхатэ́н* ‘в чужой дом зайдёшь – не хвались’.

В то же время, согласно сказкам и мифам, нарушение границ «чужого» не всегда носит отрицательный характер. Например, в сказке про *Эква-пыгрис* я бабушка наказывает внуку не ходить в сторону леса, иначе его ожидает гибель. Внук в силу своей молодости, активности и любознательности нарушает ее предписание и, вернувшись победителем, доказывает, что «чужое» не всегда плохо и пространство «чужого» порой может быть полезным и нужным, расширяя, таким образом, пространство «своего». Вопрос распределения на «свой – чужой» тесно связан с проблемой самоидентификации. Как человек воспринимает себя, так и трактует он понятие «я другой, не такой как они»: соответственно они – чужие, значит враги. Данная трактовка помогает человеку понять себя, он обнаруживает границы собственной личности благодаря сопоставлению и противопоставлению. Я, в отличие от них, говорю по-иному и одет не как они.

Мифологическое сознание рождается из неразрешённых противоречий, с которыми человек сталкивается в природном мире, в пространственно-временном континууме, в мире социальном и культурном. Например, день – ночь, свет – тьма, добро – зло, небо – земля и др. Первобытное сознание вырабатывает двоичные различительные признаки, набор которых – наиболее универсальное средство описания семантики мира.

«Свой» реален настолько, насколько он включён в общину и является частью своего рода; а род определяет границы «своего», отделившись от «чужого», который, в свою очередь, также реален, будучи осознанным как «чужой». Прежде чем продолжить своё исследование, нужно установить для себя чёткую характеристику понятий «свой» и «чужой».

В словаре С. И. Ожегова [ТСРЯ 1999, 704] даётся несколько толкований значения «свой»: 1. Принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; 2. Собственный, составляющий чьё-нибудь достояние; 3. Своеобразный, свойственный чему-нибудь одному, данному; 4. Подходящий, свойственный чему-нибудь, предназначенный именно для данного обстоятельства, предмета; 5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью; 6. То, что принадлежит, свойственно или присуще кому-нибудь, чему-нибудь.

Исходя из данного определения, для ориентировки выделим несколько уровней этого понятия: свой – относительно своей семьи: то есть, всё то, что принадлежит мне и моей семье; свой – относительно рода: всё, что принадлежит моему роду; свой – относительно места проживания: моя деревня, жители моей деревни; свой – относительно национальности: мои манси, мой народ; свой – относительно принадлежности человеческой расе: я человек, а не существо потустороннего мира.

Собранный и исследуемый материал представлен в определённой схеме:

Рис. 1. Классификация категории «свой» в культуре манси

Безусловно, предложенное разделение условно, оно нуждается в детализации и конкретизации, так как на современном этапе возможны также деления по фамилиям, профессиям и другим параметрам. Если говорить конкретно о мансийской культуре, то каждая категория рассматривается ещё по гендерному различию. Согласно обычаям и верованиям манси, все окружающие вещи и предметы распределялись на мужские и женские. Женское считалось сакрально «нечистым» в отличие от мужского. Например, женщине запрещалось прикасаться к охотничьим принадлежностям, мужской одежде, обуви, перешагивать через них, становиться ногами на нарты, забираться на крышу, одевать мужские вещи, переходить на святую часть дома и многое другое. Соответственно, то, что принадлежит женщине, чуждо и неприкосновенно для мужчины и наоборот. За исключением некоторых моментов, когда границы «своего» и «чужого», «женского» и «мужского» приходилось нарушить в силу определённых обстоятельств. Например, когда мужчина – вдовец, он был вынужден заниматься женскими делами: ходить по воду, заготавливать дрова, стирать, варить, шить.

Образ «чужого» в мансийской культуре весьма противоречив, и в основе его амбивалентности лежат сложные предпосылки, связанные с внутренними и внешними процессами в мансийском обществе. Поэтому будет правильным деление чужаков на внутренних и внешних, которое весьма полно отражено в фольклоре.

Согласно мировоззрению манси, помимо Верхнего и Нижнего миров в дальних краях оказываются и страны, где обитают существа, которые можно назвать людьми только условно. Это вполне понятно, так как страны эти, уже в силу своей отдалённости и загадочности, недоступны для обыкно-

венного человека. Рассказ о них, как правило, ведётся не столько с информативной целью, сколько является способом построения неких идеальных социальных моделей – утопий или антиутопий. Например, в мифе «О духе-покровителе манси *Хбнт Тбрум ойк'е*» повествуется о приходе *Нёр тапал вāt виклыу* 'пришедшие из-за Урала тридцать *виклыу* (возможно викинги)' с мохнатыми ресницами и бровями. Здесь они уподоблены мистическим существам. Есть описание мифических народов, таких как *āmн-пуук ёрнут* 'ненцы с головой собаки' [Сказки, предания и былички... 2012, 118] и *āmплэг люлит ёрныт* 'ненцы ростом с собачий хвост' [Мифы, сказки, предания... 2005, 355]. Это не означает, что они принадлежали к ненецкой народности. Слово *ёрн* в мансийском языке имеет два значения 'ненец' и 'сильный'. Ненцы в сражениях всегда проявляли себя как жёсткие, сильные и воинственные люди. Данная метафора распространилась, видимо, и на другие народности с подобными же воинственными качествами, что и у ненцев. Возможен также второй вариант перевода 'силачи с головой собаки, силачи ростом с собачий хвост'. У народа *āmплэг люлит ёрныт* имеется второе название *сирхирти*. Они живут под землёй, согласно фольклорным текстам они живут в землянках, питаются паром. Упоминание об этих жителях имеется и у других северных народов, в том числе хантов и ненцев.

Изначально чуждые для мансийского сознания «чужие» адаптировались под местные реалии, становясь своими внутренними чужаками. «Чужие» в восприятии манси приобретали сверхъестественные черты. И соответственно требовали к себе особый подход и определённое отношение. Сам факт нахождения их вне пределов проживания манси говорил о том, что они являются носителем каких-либо особых свойств. Встреча с ними при правильном отношении / поведении сулит для манси удачу, мудрость, духовное знание, при неправильном – предвещает кровопролитие.

Соответственно к ближним «чужим» принадлежат народы, которые всегда соседствовали с манси: *хатань* 'татары', *русь* 'русские', *ёрн* 'ненцы', *асмāхум* 'ханты', *туукусь* 'тунгусы'.

Понимание картины мира будет не полной, если мы не проследим весь этап становления общности манси. Так как каждый период в истории мансийской культуры наполняет понятие «чужой» своим конкретным содержанием, соответствующим ситуации. Согласно мифологии манси выявлено несколько эпох:

1) самая древняя эра, время первотворения (*мā унтнэ йис*);

2) «богатырская эпоха» *нāй-ōтырыт нōра*;

3) «эпоха мансийского человека» *мōйтың нōра* [Мифы, предания, сказки... 1990, 33]. Этим эпохам соответствует жанровая классификация фольклорных текстов: мифологические, героические, бытовые.

В эти периоды происходит переосмысление представлений о пространстве как таковом, меняется стратегия «своего – чужого». Самым существенным признаком древнего образа иноземца, истинно «чужого», ни при каких условиях не становящегося полностью «своим», было языковое отличие. Недаром те, чья речь непонятна, обозначались словами:

– *мōтхōтна* 'чужестранец' (букв. *мōт* 'другой, чужой, остальной, посторонний (человек)' и *хōтна* 'кто-то, некто');

– *хасьтāлхōтна* 'чужестранец' (букв. *хасьтал* 'чудесный, необыкновенный, странный, неведомый, незнакомый' и *хōтна* 'кто-то, некто');

– *мōтмāн-хум* 'чужеземец' (букв. *мōт* 'другой, чужой, остальной, посторонний', *мāн* 'земли имеющий', *хум* 'человек, мужчина');

– *мōтпал-хум* 'чужестранец, иностранец' (букв. *мōт* 'другой, чужой, остальной, посторонний (человек)', *пал* 'сторона', *хум* 'человек, мужчина');

– *мōтхум* 'чужестранец, чужой' (букв. *мōт* 'другой, чужой, остальной, посторонний' и *хум* 'человек, мужчина');

– *мōтхурина* 'чужестранец, иной, непохожий' (букв. *мōт* 'другой, чужой, остальной, посторонний (человек)' и *хурина* 'похож, подобен');

– *мāхум мат хум* 'чужестранец, некий человек' (букв. *мāхум* 'народ, люди' *мат* 'какой-либо человек, мужчина');

– *нōри ёр мāхум* 'посторонние, чужие люди' (букв. *нōри* 'кривой, искривлённый, искажённый', *ёр* 'край, граница', *мāхум* 'народ, люди');

– *нāра-нōри хум* 'посторонний, чужой, чужак' (букв. 'нōри' 'кривой, искривлённый, искажённый', *хум* 'человек, мужчина').

Соответственно, тот, кто не говорит на понятном языке, выглядит как-то по-иному, не похож на соплеменников, считается «чужим». Например, отрицательный персонаж сказки *Пāранарсех* 'букв.

nāra~nōri ‘кривой, искривлённый, искажённый’, *парсех* ‘лохмач’. В этом имени отразилась этнографическая реалья. Манси мужчины заплетали косы; поэтому бескосый человек для них являлся чужаком [Мифы, предания, сказки... 1990, 365]. В одной из быличек информант рассказал, что к нему в лесную избушку приезжали люди, но говорили на непонятном ему языке. Незаметно появились и также незаметно исчезли. Следов от них и их саней не осталось [ПМА, Хозумов Э.А].

Как говорилось выше, чужеземцы воспринимались как сверхъестественные существа. Такого же мнения придерживаются историки и этнографы. Они предполагают, что под видом мифологических и сказочных персонажей скрыт представитель другого этноса. Определяли их по-разному, как экзогамные группы, дуальные половины, разные этносы. Например, о таких персонажах как *Мёуков*, *Ўтьси*, *Порнэ*, *Мосьнэ* писала С. А. Попова [Попова 2017, 89–97; Попова 2016, 101–114]. Она соотносит некоторые мифологические существа с пришлым населением.

Известно, что мифы свидетельствуют нам о конфликтах между древним местным населением и завоевателями. И именно в «эпоху мансийского человека» особенно ярко прослеживаются оппозиция «свой – чужой». Так, согласно мифам, в эпоху мансийского человека хозяевами Урала становились женские коллективы Порнэ и Мосьнэ¹. Согласно фольклорным текстам, Пор по экономическому уровню развития стояли выше, чем автохтонное население Мось. В этот период они уже пользовались железной утварью. Об этом свидетельствует миф «*Мось махум йис потыр* ‘Предание о людях Мось’». В период, когда обосновались *Пор* и *Мось*, стали появляться великаны: *Мёуков*’ы, *Ўтьси*, *Ялан*’и².

Мёуков’ы в мифах фигурируют как отважные воины, воспитатели юношей-охотников, также как охранники священных мест. Одни из них кровожадные и жестокие, другие добрые великаны, третьи – охранники и помощники людей, четвёртые – одноголовые и многоголовые. Одежда у них также различна: одетые в доспехи, в меха, в национальную одежду. В своих комментариях сказители обращают внимание на их речь, она внешне напоминает свист. В некоторых источниках акцентируется, что это *āsмахум латыу* ‘хантыйский язык’ [Панченко, 2018, 658–671].

Наравне с *мёуков*ами в качестве представителей древних уральцев выступают – *ўтьси*. Они, как и *мёуков*ы, носили одежду из шкур; общались между собой посредством свиста, жили небольшими группами; по силе и росту равные; проживали в домах из лиственниц. Их главное отличие в том, что *ўтьси* «имели от чудных украшений [татуировок] слишком безобразные лица, руки, ноги» [Попова 2016, 101–114].

Согласно сказкам, *ўтьси* более злобные и кровожадные, менее цивилизованные, чем *мёуков*’ы

Достаточно часто встречаются упоминания и об *Ялан*’е – мифическом лесном духе с железной шкурой; этот персонаж близок к *мёуков*’ам. *Ялан*’ями обычно называют кого-то большого неуклюжего, *ат эрнэ хотпа* ‘букв. *ат эрнэ* ‘ненужный’, *хотпа* ‘кто-то, некто’’, лишний, не желанный гость, объект, персонa» [Устное сообщение А. Н. Алгадьева, Ханты-Мансийск. 2018]. Мансийские *Ялан*’и по описанию очень похожи на аланов – древнее европеоидное население на Алтае. В мифах и легендах селькупов и алтайских тюрков они изображаются богатырями, наделёнными сверхъестественной силой, облачёнными в железные кольчуги («с железной кожей»). Т. А. Габуев приводит следующее их описание: «Почти все аланы высоки ростом и <...> страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей <...>; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» [Сподина 2019, 3–7].

Мифы и сказки свидетельствуют также и о таких персонажах как *Танвәрпэква* ‘жилая, изготовляющая женщина’, *Киснёлпэква* ‘женщина, со свистящим носом’, *Атайпэква* ‘женщина, с чутким обонянием’, *Кирнёлпэква* ‘женщина с коростами на носу’. В фольклоре они представляются в образе отрицательных персонажей, которые ещё недостаточно изучены. В основном они кровожадны и не гнушаются питаться человеческой плотью. Информанты также утверждают, что речь их невнятна, коверкают слова, говорят с шипением, хотя и на мансийском языке [ПМА 2019, Хозумова Л. И.].

Значение лексемы «чужой» подтверждается и Д. Н. Ушаковым [БТСРЯ 2009, 930] «чужой – 1. Не мой или не наш, не свой, не собственный, принадлежащий другому, другим. 2. Что-нибудь, принадлежащее или свойственное другому, другим. 3. Не родной, не нашей семьи, посторонний, не

¹ Порнэ и Мосьнэ – персонажи мансийских сказок и легенд.

² Менквы, Утьси, Ялани – персонажи мансийских сказок и легенд.

свой. 4. Далёкий по духу, внутренне чуждый для кого-нибудь, чего-нибудь, такой, с которым нет подлинной близости.

Учёными было представлено несколько классификаций оппозиции «чужого». Но наиболее обобщённую находим у немецкого исследователя межкультурной коммуникации Г. Малецке. Он выделил пять объектов «чужого». В данной работе мы будем придерживаться общепринятой классификации: «чужие» – население других земель относительно своих сородичей; «чужие» – иноплеменники, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни; «чужие» – существа потустороннего мира. Такое понимание «чужого» наиболее близко мансийскому мировоззрению. Данное распределение можно отнести и к манси.

Посредством мифов и мифологических персонажей мы определили, что под личиной «чужих» представлялись этносы, которые были не знакомы, не ведомы манси. Им были приписаны сверхспособности, магические свойства. Нами они были соотнесены в категорию внешних «чужих».

Для полноты картины изложенный материал мы представили в схеме:

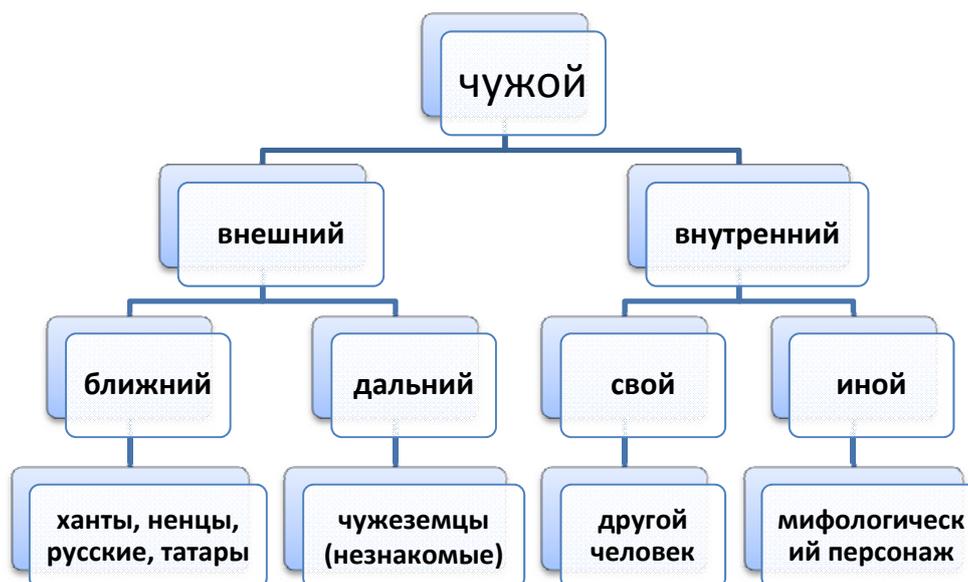

Рис. 2. Классификация категории «чужой» в культуре манси

Таким образом, существа, наделённые свойствами, выходящими за рамки привычного, то есть сверхъестественными или приближёнными к ним, становятся ближе либо к миру животных, либо к миру божественного. Во всех источниках подчёркивается их инаковость. Чудесными свойствами также наделялось окружение «чужого»: необычный большой дом, сверхудача в охоте, долголетие, физическая сила, способность управлять стихиями и животными. В сказках и быличках они приобретают статус духов природы.

Несмотря на мифичность, на невозможность их существования, они, тем не менее, встречаются в повседневной жизни манси. Согласно быличкам, эти существа до сих пор пребывают в современном мире, контакты с ними становятся более частыми. Данный феномен фиксируют уфологи и криптозоологи. Как утверждает одна из информантов, «В период «креста» христианизации они (Мёнкв'ы и прочие существа), вынуждены были перейти в параллельный мир. А сейчас в эпоху новейших технологий вновь появились, чтобы спасти мир» [ПМА 2019, В.Н. Хозумов].

Автором исследования записано более 80 быличек, повествующих о контактах с представителями «чужого» мира. Информанты рассказывают, что «чужих» можно встретить, почувствовать или услышать. В культуре манси эти рассказы связаны с комплексом запретов. Например, в Югре много мест, где нельзя свистеть, вести себя неподобающе шумно. Находиться в таких местах крайне опасно для человека. Если кто отважится на это, то в него летят сучки, палки, камни, деревья, вырванные с корнем. Один из информантов рассказал быличку, о том, как они с другом по реке Кемпаж заночевали в лесу. «Мы развели костер, выпили, поели. Вдруг слышим, как земля трясётся, как будто кто-то идёт. Деревья уже гнутся, ветер сильный поднялся. Костёр стал разгораться и прямо на нас искрами,

пламенем пыхает. Думаю: “Сейчас как пожар случится, как его потом потушим”. Говорю: “Это по нашу душу, *мёуqv’ы* – мансийские духи пришли”. Мой напарник-то смеётся. Ближе стал подходить. Смотрю, другу моему уже не смешно. Взял я тогда охотничий нож, направил острием по направлению к ветру и шуму. Говорю, как старики учили: “Что тебе надо от нас, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай. Мы сейчас уйдём”. Вроде всё стихло. Вещи быстрее собрали, в лодку сложили и уехали» [ПМА 2019, Э.А. Хозумов].

Также зафиксировано немало случаев похищения лесными великанами людей, которые впоследствии благополучно возвращались домой. Посетившие «чужой» мир всегда отвечают, что были в гостях у огромного размера женщины или мужчины. Они их кормили. Видели, как их ищут, что говорят о них. Находились они словно за какой-то невидимой гранью, отделяющей людей и существ иного мира.

Таких персонажей, как *Вбрут*, *мёуqv*, *Миснэ*, *ялань*, *ўтьси* и других подобных существ, мы определим в категорию внутренних «чужаков».

Как показал анализ, столкновение и взаимодействие с ними происходит на пространственных и временных границах. Например, человек чаще встречается с ними в «нечистое» или пограничное время (утро и вечер, полдень и полночь). Пространство, в котором появляются они, с одной стороны, природное (лес, поле, болото, дерево, скала, камень); с другой – граничит с культурным, освоенным человеком пространством (перекресток, тропа, дом). Таким образом, контакты с духами природы или с «чужаками» происходят на границе между мирами. Эти встречи неоднозначны, наблюдается стремление к сохранению порядков двух миров: своего и чужого. Например, безопасное проникновение в пространство Лесного духа зачастую возможно остановить только при соблюдении определённых правил. Нарушение порядка одной стороной приводит к совершению ответных действий.

«Этот», «свой», «культурный» мир, в котором пребывают люди, отличен от «того», «чужого», природного мира, в котором действуют мифологические персонажи. Между этими мирами существуют взаимодействие и известная граница, которую человеку нельзя пересекать.

Встреча с потусторонними силами происходит тогда, когда человек пересекает пространственные границы. В представлениях о действиях лесных мифологических персонажей в мансийской традиции отразилась их амбивалентная природа. Здесь закреплена та стадия мировосприятия, когда мифологическое существо представлялось в своих поступках похожим на человека: оно могло наказывать, но могло и помочь, наградить, с ним можно было договориться, его можно было умиловить жертвоприношениями. Духам леса приписывали способность (в зависимости от обстоятельств) приносить человеку выгоду или убыток.

Архетип построения всех чудес примерно одинаков. Они строятся в основном на увеличении количественных характеристик хорошо знакомых в повседневной жизни явлений или предметов, т.е. на гиперболизации (как одноголовые, так и многоголовые *мёуqv’ы* ростом выше двух метров и т.д.).

Нами рассмотрено несколько базовых уровней оппозиции «свои – чужие». Как первый, начальный уровень было взято противопоставление сограждан жителям других земель. Противопоставление это представлялось наиболее актуальным в эпоху формирования уральской этноязыковой общности, возникновения самостоятельных территориальных образований.

Каждое сообщество выступало на исторической арене в виде своеобразной коллективной личности. Общественное сознание наделяло такую «личность» определённым характером. Естественно, враждебному народу склонны были приписывать отрицательные черты, себе – положительные. Это свидетельство наличия достаточно высокого уровня группового самосознания.

Следующий уровень исследуемой оппозиции включает в себе противопоставление мансийской земли «иным, потусторонним». Он актуализировался в тех случаях, когда населению приходилось сталкиваться с параллельным миром. Согласно мировоззрению манси, в чужаках они склонны были видеть не совсем людей. Им приписывали различные сверхчеловеческие способности, например, колдовские. Чем более отдалённо живёт тот или иной народ, тем сильнее проступают в его образе черты мифологического, сакрального. Сильнее всего смешение сфер реального и сакрального, земного и божественного наблюдается на окраине известной человеку заселённой части земли. Там помещаются «чудесные» страны: Верхний и Нижний миры, «чудовищные» народы.

Отношение к чужестранцам часто было настороженным. В то же время древнее общество отличалось открытостью к межэтническим контактам и обширностью международных связей. Это свидетельствует об определённой двойственности восприятия, которая в дальнейшем, в эпоху колонизации

Сибири, сменяется однозначно отрицательным отношением ко всем пришлым, проявившимся в закрытости общества от иностранного влияния, потере интереса к международной политике.

Результаты анализа фольклорных текстов показали, что к ближнему кругу манси относили ближнее окружение, с которым объединяют язык, внешний вид, вероисповедание, то есть, то, что считалось нормой для «своих». То, что не сочеталось с представлениями манси как о правильном, воспринималось как угроза. Поэтому в разряд «чужих» попадали «иные», «другие», «потусторонние», «чужеземцы».

Другим критерием разделения на «чужих и своих» считается определение своей идентичности, границ собственного «я, моё». «Чужой» воспринимался как нарушитель границ своего, который вторгается в запретную зону «я, моё», он отличен от меня, не такой как «я». Таким образом, граница «своего» происходит через осознание границ «чужого».

Но вместе с тем герой способен не только выйти за пределы «своего» освоенного мира в «чужой» мир, но и познавать чужие миры и культуры, вбирая в себя лучшие качества «чужих». Отсюда следует, что «чужой» в сказках и мифах фигурирует не только как враждебное и отрицательное, но и как побуждающее к изменению и развитию. В зависимости от культурно-исторической реальности «чужой» из образа антигероя и врага мог перевоплощаться в «наш, мой».

Таким образом, взаимодействуя с «чужими», народ не только определял свою самоидентификацию, обеспечивая единство и самобытность культуры, но и способствовал ее динамике, развитию.

Благодарности

Выражаю благодарность всем информантам, прекрасно владеющим мансийским языком, знающим традиции и культуру народа, а также анонимным рецензентам.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

2019 г. п. Саранпауль, Берёзовский район, ХМАО – Югра.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Хозумова Людмила Ивановна, манси, 1964 г.р., уроженка д. Хурумпауль, Берёзовского района, ХМАО – Югры;
Хозумов Василий Николаевич, манси, 1956 г.р., уроженец д. Хурумпауль, Берёзовского района, ХМАО – Югры;

Хозумов Эдуард Анатольевич, 1978 г.р., уроженец п. Сосьва, Берёзовского района, ХМАО – Югры.

ЛИТЕРАТУРА

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. 960 с.

Лазарев В. В. Философия и лингвистика. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 1983. 134 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 558 с.

Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.

Панченко Л. Н. Лесной великан *Мёукв* – персонаж мансийского фольклора // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 658–671.

Попова С. А. Древнее население Северного Урала по мифам северных манси // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 89–97.

Попова С. А. Миграция манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 101–114.

Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / Сост. М. В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 176 с.

Сподина В. И., Панченко Л. Н. Реальный и метафорический каннибализм у коренных народов Западной Сибири // International independent scientific journal. 2019. №1 (vol. 2). pp. 3–7.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Вабішчэвіч Т. Апазіцыя «сваё – чужое» ў ранняй лірыцы Янкі Купалы: нацыятворчы аспект // Літаратурознавчы аб’р’і. 2010. Вип. 16 (53). С. 106–112

Lozanova G. The Category of “Alien-One’s own” in Folk Culture (Ethno-religious aspects) // Etudes balkaniques. 1994. № 1. P. 37–42.

Seidikenova A., Orynbayeva U., Zhantyleuova I. Concept “own / alien” in kazakh and French // International Journal of Research in Humanities. Arts and Literature. 2016. № 4 (4). P. 13–18.

Troeva E. Magical interaction with the other world. Dealing with demons // Acta Ethnographica Hungarica. 2009. №2. P. 397–409.

Vukmanović A. Constructing Alien Space in South Slavic Oral Lyric Folklore // Electronic Journal of Folklore. 2018. № 74. P. 51–72.

Virág Z. Gotovoi stovetni drugi: južnoslovesni kontekst opusa Endrea Adija // Институт за книжевност и уметност. 2018. № 164. С. 109–124.

Поступила в редакцию 03.09.2019

Панченко Людмила Николаевна,

научный сотрудник

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14 А,

аспирантка Югорского государственного университета

E-mail: pan4enko.ludm@yandex.ru

L. N. Panchenko

MYTHOLOGICAL CREATURES AS REPRESENTATIVES OF THE "ALIEN" WORLD IN MANSI FOLKLORE

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-605-614

The article discusses some mythological creatures, as representatives of the “alien” world in Mansi folklore, as well as the mythological function of the border in the structuring of space of the Northern ethnic group.

The material of the study was the texts of Mansi fairy tales published in various folklore collections, in periodicals, as well as field materials of the author. A hermeneutic method is used in the work, the principles of historicism and a systematic approach are reflected.

Analysis of Mansi folklore texts showed that the Mansi people include their family, village, kin, nationality, ethnic group in their own circle. All of them are united by language, appearance, religion. Wrong things were perceived by Mansi as a threat. Accordingly, such objects as “others”, “otherworldly”, “strangers”, “outlanders”, “enemies” relate to the category of “them”. Own things are perceived as something positive, but foreign things on a subconscious level are perceived as negative and cause negative emotions.

The presence of the main type of the opposition “us – them” in the mythological picture of the Mansi world is represented by us through the schemes, reflecting different methods of interaction between “us” and “them”.

The author expresses her gratitude to all informants who know the Mansi language and traditional culture of the Mansi people, as well as anonymous reviewers.

Keywords: Mansi, Mansi folklore, the opposition us – them”, forest spirits, tales, bailichkas.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 605–614. In Russian.

REFERENCES

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redaktsiya [Large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition]. D. N. Ushakov Moscow: OOO «Dom Slavyanskoj knigi» Publ., 2009. 960 p. In Russian.

Lazarev V. V. *Filosofiya i lingvistika* [Philosophy and linguistics]. Rostov-on-the-Don: izdatel'stvo Rost. un-ta Publ., 1983. 134 p. In Russian.

Mify, predaniya, skazki hantov i mansi [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Comp. by N. V. Lukina. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury Publ., 1990. 558 p. In Russian

Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov) [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. In Mansi, Russian.

Panchenko L. N. *Lesnoi velikan Mējkw – personazh mansiiskogo fol'klora* [Giant of the forest Menkw – the a character of Mansi folklore]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 658–671. In Russian

Popova S. A. *Drevnee naselenie Severnogo Urala po mifam severnykh mansi* [Ancient population of the Northern Urals according to the myths of the Northern Mansi]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2017, no. 4 (18), pp. 89–97. In Russian

Popova S. A. *Migratsiya mansi i fol'klornye motivy: k problem fol'klora kak istoricheskogo istochnika (na primere severnoi gruppy mansi)* [Migration of the Mansi and folklore motifs: to the problem of folklore as a historical

source (on the example of the Northern Mansi group)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 4 (27), pp. 101–114. In Russian.

Skazki, predaniya i bylichki verhnesos'vinskih mansi [Fairy tales, legends and bailichkas of the Upper Sosva River Mansi]. Comp. by M. V. Kumaeva. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 176 p. In Mansi, Russian

Spodina V. I., Panchenko L. N. *Real'nyi i metaforicheskii kannibalizm u korennykh narodov Zapadnoi Sibiri* [Real and metaphorical cannibalism among the indigenous peoples of Western Siberia]. *International independent scientific journal*, 2019, no. 1 (2), pp. 3–7. In Russian)

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. In Russian.

Vabishchevich Taccyana. Apazitsyya «svayo – chuzhoe» žrannyailiryicy Yanki Kupaly: nacyya tvorchy aspect. *Literaturoznavchi obrii*, 2010, no. 16 (53), pp. 106–112. In Belarusian.

Lozanova Galina. The Category of «Alien-One's own» in Folk Culture (Ethno-religious aspects). *Etudes balkaniques*, 1994, no. 1, pp. 37–42. In Bulgarian.

Seidikenova A., Orynbayeva U., Zhantyleuova I. Concept “own / alien” in Kazakh and French. *International Journal of Research in Humanities. Arts and Literature*, 2016, no. 4 (4), pp. 13–18. In English.

Troeva Evgenia. Magical interaction with the other world. Dealing with demons. *Acta Ethnographica Hungarica*, 2009, no. 2, pp. 397–409. In English.

Vukmanović Ana. Constructing Alien Space in South Slavic Oral Lyric Folklore. *Electronic Journal of Folklore*, 2018, no. 74, pp. 51–72. In English

Virág Zoltán. Gotovoi stovetni drugi: južnoslovesni kontekst topusa Endrea Adija. *Institut za književnost i umetnost*, 2018, no. 164, pp. 109–124. In Serbian.

Received 03.09.2019

Panchenko Lyudmila Nikolaevna,

Researcher

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Developments

Mira st., 14A, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation

Postgraduate Student of the Yugra State University.

E-mail: pan4enko.ludm@yandex.ru